Швед

Автор:
Татьяна Михаль

Швед

Татьяна Михаль

Криминальная любовь #1

Яна сбежала от своего приютского друга, который хотел продать её девственность. Девушка пряталась и едва сводила концы с концами. Она устала жить на улице и воровать еду в магазинах. В ту роковую ночь Яна увидела открытый джип. Хозяина не было, и она решила украсть его сумку, в которой надеялась найти деньги, но… Её поймали с поличным. Его называют Швед и он – криминальная личность. Он опасный манипулятор, жесток и одинок. Он провёл всю свою жизнь, не позволяя себе ни с кем сближаться, потому что знает о последствиях. И Швед всегда защищает то, что принадлежит ему.

В книге присутствует нецензурная брань!

Татьяна Михаль

Швед

Глава 1

?

– ЯНА –

Семнадцать рублей. Что можно купить из еды на семнадцать рублей?

Ровно столько мелочи мне удалось насобирать в парке. Нашла у лавочек, фонтанов и туалетов.

Могло быть и больше, но дворники каждое утро всё выметают.

Просить милостыню не вышло.

Несколько раз меня принимали за шлюху. Но эти мудаки сразу получили от меня по яйцам. Коленом. А я от них получила разбитый нос и фингал в пол лица.

Воровать тоже не получилось. Хреновая из меня воровка.

Меня поймали, и полиция пыталась затолкать в машину, чтобы увезти в участок.

Мне повезло. От мусоров удалось сбежать. Но о воровстве в супермаркетах пришлось забыть. По крайней мере, на время.

Ночевала под мостом. Нашла удобное место: непродуваемое. Конечно, если ночлег на улице можно назвать удобством.

Каждую ночь, каждое утро и каждый чёртов день я сжимаю зубы и стараюсь не впасть в истерику.

Мне хочется помыться, окунуться в горячую, просто обжигающую воду и смыть с себя пыль, грязь и уличную вонь. Хочу избавиться от запаха страха, безнадёги и падения. Это не мой запах! Не мой.

Ещё очень хочу есть. Боже, как же я хочу есть, точнее, жрать!

Зверский голод толкает на самые безрассудные поступки.

Голод отключает разум, и тобой начинают владеть лишь инстинкты.

Сегодня ровно месяц как я сбежала от своего друга.

Я думала, что Ржавый, Ромка Ржавый – мой друг. Мой защитник, мой будущий муж.

Он с самого моего попадания в детский дом взял под своё крыло: опекал, защищал, учил всему, что сам знал.

Оказалось, он думал о будущем, рассмотрел во мне, как этот ублюдок сказал: «Прибыльную инвестицию».

От воспоминаний тут же руки невольно в кулаки сжимаются. В груди рождается утробное рычание, а в сердце – ненависть.

Предатель он. Урод и конченый предатель.

Оказывается, ещё много лет назад он придумал и решил, что продаст меня!

Вот почему меня даже не пытался оттрахать и другим не давал, и меня охранял, чтобы сама на кого не забралась. Берёг для будущей сделки, когда придёт подходящее время. И оно пришло.

Ржавый так и сказал:

– За мою доброту пора платить по счетам, Янка. Договорился я с одним челом из крупной банды, он купит твою целку и не херово так отвалит бабла. Фотку ему показал и мужик поплыл. Заценил твою смазливую мордаху и твои сочные сиськи под майкой.

От заявления Ржавого я не сразу нашлась с ответом.

Стояла перед парнем как оплёванная.

Я думала мы с ним родные. Что мы самые близкие люди.

Он ведь всегда за меня горой стоял, а сейчас решил продать?!

Когда я осмыслила и осознала его слова, то набросилась на него с кулаками и прошипела:

– Сраный гавнюк! Как ты можешь? Меня? Продать? Ты рехнулся?

В ответ получила пощёчину и злые слова:

– А ты думаешь, для чего я тебя берёг? Для себя? Да нах…й ты мне сдалась, безродная? Я поднимусь и королеву себе найду. А ты – моя инвестиция в светлое будущее, усекла?

Жёсткие пальцы впились в мой подбородок и зелёные глаза, которые я всегда считала самыми красивыми в мире, глядели на меня с яростью и злостью. А ещё в них читалась брезгливость. И насмешка.

– Я берёг твою целку, чтобы выгодно продать. Мы больше не приютские. Мы – вольные птицы, Янка. Ты уже совершеннолетняя и можешь заниматься, чем угодно. Вот и будешь дорогой шлюшкой.

Он склонился к самому моему лицу и проговорил по слогам:

– Запоминай: ты – ШЛЮХА.

Дёрнула головой, и он резко отпустил меня.

Через злые слёзы я смотрела на рыжеволосого парня и понимала: моя душа и мечты нараспашку были, наивная я, хоть и приютская, не разглядела лицемерия, не почувствовала лжи, всё на веру приняла.

Влюбилась я в Ромку Ржавого, приняв низкое за высокое. И вот он удар под дых – прилетел неожиданно. И больно стало, что дышать трудно.

И мои розовые очки разбились. Стёклами внутрь. Разбились и все мечты, все иллюзии. Вдребезги.

Оказывается, прозрение – это больно, очень-очень больно, что кричать хочется. Словно я не жила вовсе, словно барахталась в болоте лжи и только сейчас смотрю на мир ясно, вижу реальность. И она до ох. ения омерзительна!

Ржавый мне уже не казался привлекательным.

Я считала его высоким? Нет, он просто длинный.

Называла его стройным? Нет, это рыжее чмо тощее, как глиста!

Ещё у него слишком крупная голова, узкие плечи, длинные руки и тонкий член.

Да-да, Ромка Ржавый сильно переживает по поводу своего отростка: длинный, точно шланг, но тонкий, как карандаш.

И я знаю его секрет – он всегда за трах и молчание платит своим девкам. Конечно, им ведь приходится изображать удовольствие, а потом молчать, насколько он плох в постели.

– Ублюдок, – не своим голосом прошипела я. – Ты предал меня. Предал наше прошлое, предал моё доброе отношение к тебе.

Поднявшись на ноги, смотрела в насмешливые зелёные глаза и ощущала, как в груди зреет и мгновенно разрастается жгучая ненависть.

– Я любила тебя, Ржавый, – произнесла упавшим голосом.

– Не называй меня так! – заорал он и залепил мне новую пощёчину. – Роман Геннадьевич я!

От удара отлетела к стене и рухнула на колени. Сплюнула кровь и издевательски рассмеялась.

– Роман Геннадьевич, говоришь? – мой смех стал громче. – Ты навсегда останешься Ромкой Ржавым, понял?! Навсегда! И ты никогда не поднимешься! Никогда!

Он опалил меня бешеным взглядом и вылетел из спальни, заперев меня в комнате на замок.

Но зря он понадеялся, что я не попытаюсь выбраться и сбежать.

Ждать, когда Ржавый покинет нашу съёмную квартиру не стала.

Собрала все свои редкие пожитки в старый, потрёпанный жизнью рюкзак и, распахнув древнее, прогнившее окно, забралась на подоконник и цепко ухватилась за водосточную трубу.

Она скрипела, стонала, рычала подо мной и только чудом не рухнула, позволив мне спуститься с третьего этажа.

Ржавому похоже корона мозги отдавила, раз не подумал об окне. Или он забыл, как мы сбегали, ловко перебираясь со второго этажа на ветви старой сосны, и спускались на землю?

И двух недель не прошло, как я выпустилась из детского дома и Ромка меня встретил с цветами и шампанским.

Восемнадцать лет и я вольная птица!

Как же я радовалась свободе и «взрослой жизни» без надзора, команд и побоев.

В итоге, из одного говна, попала в другое.

Теперь он мне заявляет, что я должна его отблагодарить?

Роман Геннадьевич он? Сука позорная, вот кто он!

Он на четыре года меня старше и отчего-то решил, что вправе распоряжаться мной и моей жизнью. Скотина! Ненавижу!

И я лучше сдохну от голода и холода, но, ни за что не вернусь к этому предателю.

Да, сейчас мне реально и холодно, и голодно, и тело болит, потому что сплю на ледяном бетоне.

Устроиться работать? Пойти учиться?

В подобном потрёпанном виде меня на порог своей конуры даже бомж не пустит.

Ржавый забрал все мои выпускные деньги, которые государство выдаёт приютским выпускникам.

О квартире могу лишь мечтать. Я её получу лет через пять. Или никогда.

Обещания застройщиков быстрее достроить дом для таких как я безродных, с каждым новым годом так и остаются обещаниями. И всем похер на нас. Мы – отбросы.

Но я не хочу быть отбросом.

Не хочу и не буду.

Как я выберусь из этого дерьма, пока не знаю. Но выберусь.

Сначала мне нужно поесть. А потом буду думать.

Когда на город опустилась ночь, я отправилась добывать еду.

Голод – страшный зверь.

Когда перед глазами начинает темнеть, то плевать, что жрать, да хоть помои.

В паре кварталов есть магазин и однажды я проследила и узнала, что просрочку и все отходы они сваливают в мусорный контейнер. Он стоит у заднего входа.

Туда я и побрела. Я ненавидела себя за слабость и это чудовищное падение, но голод затмевал муки совести. Ненавидеть себя буду после, сначала следует

набить желудок.

?

– ЯНА –

Приблизилась к нужному зданию и замерла на углу.

У заднего входа, где находились нужные мне контейнеры, сотрудники супермаркета решили выйти, покурить и поболтать.

Одна жирная свинья неопределяемого пола, но скорее всего, это женщина, держала в левой руке бургер и откусывала от него огромные куски. В другой её руке тлела сигарета.

Сглотнула и закрыла глаза. До моего чуткого носа донёсся запах котлеты и табака. Я бы сейчас и закурила. Табак ненадолго помог бы.

Облизнула пересохшие губы, представив, как я впилась бы зубами в мягкую булку с сочной котлетой и овощами.

От представленной картины желудок зарезало так сильно, что невольно простонала и согнулась пополам.

Вдобавок начала болеть голова. Взмолилась, чтобы эта была не мигрень.

Спустя вечность маркетовские рабы наболтались, накурились и ушли, плотно закрыв за собой дверь.

Осторожно вышла из-за угла. Сунула руки в карманы куртки и огляделась, чтобы никто не увидел меня.

Подошла к контейнеру и в голос выругалась.

– Сссуки!

Контейнер был заперт! На нём висел огромный замок, который я при всём желании не взломаю.

Захотелось взвыть. Потом закричать. А ещё лучше забиться в угол, как собака и заплакать. Очень тихо.

Кто говорит, что жизнь прекрасна, того эта поганая жизнь ещё не била, не пинала.

Со злости пнула контейнер и, сплюнув, побрела прочь.

Похоже, придётся снова воровать в супермаркете, но не здесь.

Лучше уйти дальше и в каком-нибудь затрапезном районе в дешёвом супермаркете, где никому нет до тебя дела, украсть немного еды.

Лишь на энтузиазме и упрямстве добрела до тёмного и неблагополучного района и резко остановилась.

Переулок тёмный. Освещается тусклым фонарём, но мне этого освещения хватило, чтобы разглядеть дорогой внедорожник, из которого вышел мужчина – большой, просто великан. Его плечи широкие, ноги длинные и спортивные, джинсы обтягивают крепкую и сексуальную задницу.

Его волосы чёрные и в свете уличного фонаря блестят, как блестит вороново крыло.

Лица не вижу. Зато за доли секунд про себя отмечаю, что не только машина у него дорогая, но и сам мужчина одет стильно, с шиком и очень дорого.

Он скрылся за поворотом.

И я в панике смотрю на его тачку. Дверь не заперта.

Он не запер дверь!

Мгновение и я даже не стала думать, что будет, если меня поймают.

Ведь это точно не сраная и жалкая полиция. Это другой уровень – свернут шею и скажут, что так и было.

Но разве может голодный человек думать головой?

В этот роковой момент перед моими глазами предстали толстые пачки денег, которые я краду из машины этого типа.

В мыслях мелькали кафешки, куда я сразу отправлюсь и закажу гору еды и наемся на год вперёд.

А потом сниму номер в хорошей гостинице и отмоюсь, отпарюсь докрасна, чтоб даже напоминания о бродячей жизни не осталось.

Затем, сытая и чистая лягу спать. Лягу в свежую, мягкую и тёплую постель.
На следующий день пойду по магазинам и накуплю себе модных шмоток.
А потом…

Пока я кралась до автомобиля, в голове выстроился план моей дальнейшей счастливой жизни. Походу, чтобы мой план осуществился, у этого типа денег должно быть в машине под самую завязку.

Распахнула дверь со стороны водителя и едва не заорала от счастья: во-первых, открыто; во-вторых, на пассажирском сиденье я увидела кожаную сумку.

В сумке точно есть бабки!

Чтобы дотянуться до сумки, пришлось забраться на водительское кресло.

Машина не только снаружи, но внутри оказалась огромной.

Потянулась и с силой сжала в руке ремень сумки.

Да! Она у меня!

Притянула добычу к груди и шустро поползла по дорогому кожаному креслу прочь из машины.

Развернулась, чтобы удобнее было спрыгнуть из высокой тачки, и застыла. Раскрыла от удивления и дикого страха рот.

– На место вернула. Быстро, – голос мужчины резкий, жёсткий. Лицо в тени, но глаза сверкают и горят лютым бешенством.

Как в замедленной съёмке поднимаю свободную руку ко рту, чтобы заглушить крик. Его приказ вернуть сумку на место не исполняю – я даже пошевелиться не могу от парализующего меня страха.

Слышу в ушах стук собственного сердца.

– Ты оглохла? Живо! – прорычал он и дёрнул правой рукой, указывая на мою добычу – его сумку.

И в этот момент моя душа ушла в пятки – в его руке я увидела пистолет: чёрный, большой и страшный.

Он меня убьёт. Убьёт!

– Ххх… оорро… рош-шо, – выдавила из себя, сильно заикаясь.

Оторвала от груди сумку и чтобы спастись, швырнула свою неудавшуюся добычу мужчине в лицо, а сама бросилась бежать.

– Блядь! – услышала его рык.

Но не успела и двух шагов сделать.

Мужчина свободной рукой легко поймал свою сумку, бросил её в машину и за шиворот успел перехватить меня исхудавшую и ослабевшую.

– Куда собралась? – прошипел он мне прямо в лицо.

И вблизи я увидела, что лицо у мужчины такое, какое бывает у настоящих серьёзных парней – опасное, хищное и взгляд безжалостный.

Вот я встряла. Он меня за воровство кончит! И не важно, что воровство не удалось, сам факт его выбесил и он меня грохнет!

Глава 2

?

– ШВЕД –

Бизнес вне закона – это всегда риски, всегда опасность. А партнёрство – деликатная вещь и когда случается недопонимание, может возникнуть серьёзная драка.

Мой бизнес хоть и вне закона, но моими услугами пользуются и люди с дипломатами, слуги закона и те, кто тоже занимается «честным бизнесом».

Все воры и все преступники.

Только кто-то надевает белое пальто и говорит всем, что живёт по закону, но в своём чемодане тащит огромных и уродливых скелетов.

Есть те, кто не скрывает своей натуры. Например, как я. Но и не афиширует род своей деятельности.

Правда, есть и третья категория – действительно те люди, кто живёт честно и правильно. Но как практика показывает, обычно они сводят концы с концами; либо, если фарт его или её выбрал – удаётся добраться до уровня середняка.

Обычно и мне везёт. Но сегодня выдался паршивый день.

Фургон с налом для обналички, отправленный моими партнёрами с соседнего региона исчез. Испарился. Какая-то мразь покусилась на мой бизнес. Фургон был украден. Мои парни, которые сопровождали машину, как и водитель, как и люди партнёров, тоже пропали. Я уверен, никого из них мы не найдём. Они уже мертвы.

Мои партнёры пока ещё вежливо ведут переговоры.

Мой бизнес давно со всех сторон обеспечен связями в госорганах и госструктурах. Власти не вмешиваются. Они порой и сами пользуются моими услугами. Серьёзных конкурентов у меня нет – я всех просто уничтожил. И тогда возникает интересный вопрос: кто убил моих парней и похитил фургон, набитый деньгами?

У моего друга и помощника по бизнесу Данте сразу возникла мысль, что это подстава со стороны партнёра.

Вполне возможно, но им не выгодно. Какой мотив? Какая цель?

Выяснить всё и разобраться в этой дерьмовой ситуации отправил Данте. Он моя правая рука, мой демон и псих в одном лице. Интуиция у него развита, что можно экстрасенсом называть.

Я знаю, что он разберётся и притащит ко мне виновных.

Что ж, интересно будет узнать, кто решил перейти мне дорогу и подпортить репутацию.

После долгих разговоров, построения плана действий, я покинул офис и отправился в клуб, навестить одного товарища, который когда-то и порекомендовал мне исчезнувших вместе с фургоном парней.

Припарковал джип и, находясь в раздражённом состоянии, направился к клубу.

Запирать тачку даже не стал.

В этом месте меня знает каждая собака, каждая крыса и даже муха – мою машину обойдут стороной, и посмотреть в её сторону побоятся. Никто не станет связываться со Шведом, если не желает лишиться жизни. Или каких-нибудь частей своего тела, а потом и жизни.

К моему огромному удивлению и разочарованию, дверь в клуб оказалась заперта. Хотя Кеныч (хозяин клуба по боксу, к которому я пришёл) никогда его не закрывает. Здесь всегда кто-то есть, кто-то тренируется.

И на звонки не отвечает.

Внутри поселилось неприятное чувство. Придётся навестить дом старого товарища.

Не теряя времени, быстрым шагом направился обратно к джипу.

Какого же было моё удивление, когда увидел, что меня кто-то пытается ограбить! Что за наглая рожа?

Разглядеть фигуру и пол человека в ночи было сложно, но ясно одно – это кто-то маленький. Неужели, подросток влез, который не в курсе, чья это тачка?

Плохо. Придётся побеседовать с местными и разъяснить, чтобы по пальцам всем своим детям рассказали, кто такой Швед и чем чревата встреча с ним.

Бесшумно, плавно, но быстро ступая, за считанные секунды оказался у своего автомобиля. И глядя на воришку, понял, что никакой это не подросток.

Это была женщина.

Мне открылся весьма хороший обзор на аппетитную круглую попку, обтянутую джинсами.

Член мгновенно отреагировал.

«Какого хрена?» – разозлился сам на себя и свой член. – «С ночи до самого утра меня по полной программе ублажила сисястая шлюшка. Так какого хрена ты

принял стойку, как пацан, впервые осознавший аппетитность и красоту женских попок?»

Попка, тем временем, начала выбираться наружу.

Хмыкнул про себя.

Девчонка решила поживиться. На пассажирском сиденье я оставил сумку. Но в ней нет денег и чего-то ценного.

В сумке лежит кобура от моего пистолета ТТ, кнопочный мобильник, зарядка и незарегистрированные сим-карты. Всё.

Вдруг в голове возникла другая мысль. Что если она не просто случайно забрёдшая в этот неблагополучный район воришка, а целенаправленно отправленная по заданию сука? Вдруг, её подослали ко мне, чтобы что-то выяснить? Но что ей нужно тогда узнать?

Медленно достал из-за пояса пистолет. Снимать с предохранителя пока не стал.

Девчонка как раз неуклюже разворачивалась на моём кресле, чтобы выбраться наружу.

Развернулась и застыла.

Её огромные голубые глаза распахнулись от удивления, но тут же в них заплескалось море страха. На лице отразилась паника.

Она раскрыла рот от удивления, и я не смог не отметить её пухлые губы.

Член снова дёрнулся, как по команде, и это привело меня в чувство, а то стою и рассматриваю тощую девку, словно увидел красотку. Никакая она не красотка: худющая, хотя попка у неё ничего; одежда велика или болтается из-за долгого голодания; маленькая, мне едва до плеча достаёт.

И смотрит на меня как на самый великий ужас.

Какой мудак подослал ко мне этого заморыша? Её же порывом ветра сдует на раз.

Что ж, сейчас узнаем, кто ты и какого хера забыла в моей тачке. Хорошо, если просто случайная воришка. Плохо для девки – если подослана.

Сжал пистолет в руке и резко сказал:

– На место вернула. Быстро.

Девчонка очень медленно подняла свободную руку ко рту, чтобы заглушить крик. Одно единственное движение и снова замерла, продолжает глядеть на меня в диком страхе.

Мне уже это надоело.

– Ты оглохла? Живо! – прорычал я и дёрнул рукой, указывая на сумку. А то может она тупая?

Девчонка вдруг дёрнулась, и её взгляд метнулся от моего лица к руке и зажатому в ней оружию. Снова посмотрела на меня, и шумно сглотнув, дрожащим, очень тихим и каким-то сломленным голосом произнесла, заикаясь:

– Ххх… оорро… рош-шо…

Оторвала от груди сумку и неожиданно для меня швырнула её мне в лицо, а сама бросилась бежать!

– Блядь! – выругался я.

Честно, не ожидал. Я думал, она в штаны наложила от страха, ан, нет. Голубоглазка оказалась с характером и имела отчаянный инстинкт выживания и самосохранения.

Я быстро швырнул сумку в тачку, а сам в два счёта нагнал эту мелочь и крепко ухватил за воротник куртки.

Развернул девчонку к себе лицом и снова как завороженный уставился в эти огромные глаза цвета ясного неба – яркие и глубокие.

Она смотрела этими своими глазами прямо на меня – прямо в душу.

Ощущение, будто я получил под дых. Никогда в жизни не видел таких глаз, как у неё. Может, это линзы?

Присмотрелся. В свете фонаря плохо видно, но всё же, вроде как настоящие.

А ещё у неё синяк под глазом и на всю скулу. Какой урод поднял руку на эту хрупкость? Удавил бы!

И как последний придурок я теперь не могу отвести взгляд. Не знаю, как долго стою, держу её и гляжу в эти нереальные глаза, и чувствую что-то странное, что-то, чего раньше не ощущал.

– Куда собралась? – выдохнул резче, чем хотел.

После моего вопроса она тоже отмерла и задёргалась, пару раз ударила по руке, надеясь, что разожму пальцы на её куртке, но быстро сдалась и замерла.

– Ппп… ростите… – пискнула голубоглазая мелочь.

Вдруг, её нижняя губа задрожала, большие глаза наполнились прозрачной влагой, с пушистых ресниц сорвались огромные капли и по исхудавшему личику потекли слёзы.

Я за свою жизнь повидал достаточно много женских истерик, виртуозных, просто мастерских актёрских представлений и легко определяю, когда женщина лжёт, претворяется и её слёзы – фальшь, а когда действительно расстроена, напугана и несчастна.

Девчонка не претворялась.

Её тоненькое худое тельце дрожало от испуга.

В её глазах я увидел обречённость и покорность судьбе.

Дрожащими пальчиками с обломанными ногтями она смахнула слёзы, но они не прекращались.

И в этот миг я словно перенёсся на много лет назад – в тот день, что стал для меня судьбоносным.

В драке я был сильно ранен и брошен подыхать в переулке своей же бандой. Нож в живот – не та рана, с которой долго живут.

Меня спас один человек. И он круто изменил мою жизнь.

Мне было четырнадцать. Беспризорник. Сбежал из приюта, в котором я знал лишь боль и унижение. Нашёл «дом» среди уличных пацанов-бандитов и кто знает, как быстро окончился мой жизненный путь, если бы не Макар, ставший для меня другом, отцом, наставником и научивший всему, что я сейчас умею и знаю.

Благодаря ему я жив. Благодаря ему я окончил престижный университет и научился делать деньги. Благодаря ему я богат, успешен, имею весомое положение в обществе. И мне очень не хватает его. Два года как Макар отправился к праотцам. Увы, с раковой опухолью не смог справиться даже он – всегда сильный, умный и расчётливый.

Я считал и называл его отцом.

Он считал и называл меня сыном.

Моргнул, прогоняя нахлынувшие воспоминания. В этой дрожащей, плачущей и сдавшейся девчонке я увидел себя – пацана, который когда-то тоже попал в безнадёжную ситуацию и уже сдался.

– Не дёргайся, поняла? – проговорил охрипшим от навалившихся воспоминаний голосом.

Она закивала, глядя на меня затравленно и с неверием.

Да, я тоже, такому как я, не поверил бы.

Разжал пальцы, сделал шаг назад и спросил:

– Кто тебя подослал?

Девчонка расширила и без того свои большие глаза и замотала головой.

– Я не… Меня никто… не подсылал… – прошептала она. – Я просто… Я хотела найти… деньги…

Рукавом куртки утёрла нос, шмыгнула им и, опустив взгляд, бессвязно, сквозь всхлипы заговорила:

– Я давно не ела… И хотела… В горячий… душ… Новое… бельё… И чтобы не голодать… больше… никогда…

И снова я вижу и отчётливо понимаю – не лжёт. Правду говорит.

Она вскинула голову, но тут же зажмурила глаза, явно не желая смотреть на меня от чувства стыда.

– Садись в машину, – бросил сухо, хотя внутри зашевелилось позабытое странное чувство. Сочувствие? Жалость? Или быть может, просто кто-то сверху решил напомнить, что долги рано или поздно нужно возвращать?

Макар спас меня. Пришло время и мне спасти кого-то.

Почему-то эта мысль взбесила.

Проблем выше крыши, теперь ещё девчонка на хвосте. Но не бросать же её? Вижу, что загнана в угол и вряд ли у неё всё закончится хорошо. Или от голода сдохнет, судя по её худобе, не ела давно. Или попадёт в притон. Или бросится под поезд.

Убрал пистолет в карман куртки и посмотрел на девчонку.

Она не сдвинулась с места. Но хоть реветь прекратила.

– Что застыла? Садись, сказал, – повторил раздражённо.

Она с силой сжала пальцы на лямках своего дохлого рюкзака и зашептала, заикаясь, пробуждая во мне ярость:

– Зза… зачем? Вы хотите у… у-у… уб-бить м-меня? Или… изз… знасиловать?

Убить? Изнасиловать? О чём она думает?!

Я взглянул на неё, надеясь, что это была несмешная шутка, но, увы, девчонка говорила серьёзно.

– Я не собираюсь тебя убивать. И женщин я никогда не насилую, – ответил охрипшим от злости голосом. Вздохнул и добавил мягче: – Садись. Я не причиню тебе вреда. Обещаю.

Но в её глазах неугасающий страх. И мне не по себе от этого. Она боится меня. Боится, что обману. Похоже, жизнь её уже успела хорошенько потрепать.

Протянул руку ладонью вверх. И смотрю в глаза, не разрывая контакта.

Её полные сильно потрескавшиеся губы немного раскрываются, словно она желает сказать «нет», но видимо, быстро передумывает – смыкает губы и очень медленно протягивает свою ладошку и кладёт в мою ладонь.

Она очень маленькая и в моей огромной руке смотрится невероятно хрупкой – сожми и сломается.

Осторожно взял её ладонь и потянул к пассажирской двери.

Усадил её в кресло, вложил в руки сумку, которую она намеревалась украсть. Лицо девчонки при этом стало очень удивлённым и при этом красным. Стыдно стало.

Я хмыкнул, но ничего не сказал.

Затем пристегнул её ремнём безопасности и захлопнул дверь.

Занял место водителя, завёл машину и резво развернувшись, поехал прочь.

– Ты сказала, что давно не ела, – проговорил я, и это не вопрос.

– Угу, – издала она тихий звук.

Посмотрел на девчонку и едва не выехал на красный, когда она вдруг стянула с головы чёрную шапку, под которой скрывался каскад белокурых волос – волнистые, светлые, длиной ниже лопаток, и я вдруг явственно представил, как намотал бы эти локоны на кулак, запрокинул ей голову и горячими поцелуями прошёлся бы по нежной тонкой шее.

Резко дал по тормозам, и она дёрнулась, по инерции выставила руку вперёд, другой рукой сильнее к себе прижала мою сумку.

Волосы упали ей на глаза, и она тряхнула головой, отбрасывая их с лица.

Я сжал челюсть.

Херовая реакция. И с какого перепуга я реагирую на неё, как долбанный задрот?

Глава 3

?

– ЯНА –

Слова, что он меня не убьёт и не изнасилует – не успокоили.

Я просто не верю.

Но и бежать не могу. Я ужасно дико устала. Нет сил сопротивляться.

Он чуть ли не сам усадил меня в свою тачку, вручил сумку, которую мне не удалось украсть, пристегнул ремень безопасности и запер дверь.

Вот теперь мне точно некуда бежать. Да и не охота уже.

В машине тепло, сиденье мягкое. Пахнет приятно. Хочется подтянуть ноги и уснуть.

Наверное, он сейчас повезёт меня к ментам. Сдаст с рук на руки и уедет по своим делам. Забудет происшествие с сумкой и будет жить дальше, а вот моя жизнь окончится. Ну и пусть.

А может, он не к ментам меня везёт? Просто решил помочь?

В добрые намерения и благотворительность я не верю.

Казалось бы, от близкого человека никак не ожидала удара в спину, то, что говорить про незнакомца, которого я собиралась ограбить?

Поверить, что я понравилась ему не могу. Сейчас я похожа на ходячий труп. А кому нравятся трупы?

Мысли атаковали мою несчастную голову, и я сильнее занервничала.

– Ты сказала, что давно не ела, – вдруг произнёс мужчина, и я вздрогнула.

Голос у него был низкий, но приятный.

– Угу, – пискнула в ответ.

Только пусть не говорит, что его это заботит.

Не удержалась и стянула с головы неудобную шапку.

Резинка сорвалась с хвоста вместе с шапкой и волосы как ершистый веник рассыпались по плечам. Представляю, какое я сейчас чучело.

Едва не выругалась вслух, когда мужчина резко затормозил.

Хорошо, что я была пристёгнута.

– Как тебя зовут? – отчего-то каким-то хриплым голосом спросил незнакомец.

Облизнула сухие потрескавшиеся губы и хотела соврать насчёт имени, но резко передумала. Я вдруг на инстинктивном уровне поняла, что этому типу лучше не лгать.

– Яна… – ответила тоже хрипло, – Майская Яна Андреевна.

– Майская. Яна. – Повторил он, словно пробуя мою фамилию и имя на вкус. – Знаешь, у тебя Яна редкая фамилия.

Пожала плечами и зачем-то рассказала о своей фамилии:

– Меня подкинули в дом малютки. Это случилось в мае месяце, потому мне и дали фамилию Майская.

– А твоё отчество? – нахмурился мужчина.

– Женщина, что работала там, дала отчество своего отца. Имя тоже она дала. Мне рассказывали, что она любила меня и даже удочерить хотела, но… Однажды она попала в аварию… И всё.

Отвернулась и уставилась в окно на пробегающий мимо центр города – яркий, роскошный, холодный и неприступный.

Дыхнула на стекло и провела пальцем по запотевшему пятнышку. И спросила, не поворачивая головы:

– А вас как зовут? Можно узнать?

– Можно, – хмыкнул мужчина. – Меня зовут Швед.

Отвлеклась от городского пейзажа за окном и посмотрела на мужчину.

– Швед? – переспросила удивлённо. – Это что, имя такое? Я думала так называют жителей… э-э-эм… Швеции… Или Швейцарии… Увы, я не сильна в географии.

Точнее, я вообще не сильна ни в каких науках.

– Это прозвище от фамилии, – пояснил он с улыбкой. – Оно со мной ещё с подросткового возраста, но воспринимаю как имя. Если тебе действительно интересно, то зовут меня Шведов Олег Викторович.

– Олег. Викторович. Шведов. – Тоже, как и он произнесла вслух, словно пробуя новое имя и на слух, и на вкус.

Коротко улыбнулась ему и сказала:

– Приятно познакомиться, Олег Викторович. Вы простите меня, пожалуйста… за это…

Похлопала по сумке. А вдруг он сжалится и не повезёт меня к ментам?

Он усмехнулся и вдруг сказал:

– Открой сумку.

– Что? – удивилась не на шутку и вжала голову в плечи. – Зачем?

Зачем он просит открыть сумку? Желает увидеть жадность и сожаление в моих глазах при виде новеньких пачек с деньгами?

– Открой и узнаешь, – произнёс он и добавил чуть резче: – Не люблю повторять.

Вздохнула и сделала, как он сказал – открыла сумку. Но заглядывать в неё не стала.

– Посмотри, что внутри, – потребовал он.

Так и знала.

Сунула нос в сумку и по очереди вынула содержимое, которого оказалось не так и много.

Кожаная кобура.

Две небольшие коробки с патронами.

Кнопочный телефон. Зарядное устройство к нему и несколько новых сим-карт.

Никаких денег. Абсолютный ноль.

– Если собираешься совершить нечто противозаконное, то сначала стоит убедиться, что получишь желаемое, а не пустышку в руках и пулю меж глаз, – серьёзным тоном заявил мужчина.

Я быстро закрыла сумку и закусила нижнюю губу. Зажмурила глаза. Я тупая неудачница. Вот кто я.

Не смотрю на мужчину, а смотрю в окно. Мне стыдно и страшно. И, слава богу, он больше не пытается заговорить со мной.

Мы подъезжаем к ресторану. Олег паркуется, и когда он глушит двигатель, я понимаю, что всё. Теперь он отправится ужинать в этот роскошный ресторан, а меня попросит исчезнуть и больше не делать глупостей. Слава богу, он решил отпустить меня, а не сдать ментам.

Но почему-то становится ещё тоскливей на душе. Я знаю почему: не хочу выходить из этой тёплой и дорогой машины. Хочу остаться. Но это невозможно.

Натянула шапку и кое-как затолкала под неё волосы. Отстегнула ремень безопасности. Сумку Шведа убрала себе за спину и нажала на ручку двери. Заперто.

Взглянула на мужчину, который наблюдал за мной странным взглядом и пробормотала:

– Спасибо, что не повезли в ментовку.

– Ты думала, я везу тебя к ментам? – удивился он, и лицо мужчины вдруг стало таким мрачным, злым и страшным, что я не на шутку перепугалась.

Вжала голову в плечи и смолчала.

Он шумно выдохнул, и как ни в чём не бывало, произнёс:

– Я и не думал сдавать тебя ментам. Ладно, забыли. Пойдём лучше поедим. Я голоден.

Расширила глаза от удивления.

Он серьёзно?

– Я… Я не смогу оплатить за ужин… – проговорила неуверенно.

Не думаю, что он всерьёз станет трясти с меня деньги за еду в ресторане, но всё-таки стоит прояснить этот момент на берегу.

Швед раздражённо запустил пальцы в свои тёмные волосы и рассмеялся.

– Я тебя угощаю, мелкая, – смеясь, сказал он и разблокировал двери.

Я выбралась в прохладу ночного города и последовала за мужчиной.

Когда мы вошли внутрь ресторана, красивая девушка за стойкой с бейджем на груди «Администратор», расплылась в счастливой и кокетливой улыбке

при виде Шведа.

– Олег Викторович, рады вас снова видеть, – пропела ухоженная администраторша.

Швед тоже улыбнулся и сказал:

– Катя, отправь в мою банкетку шустрого официанта. Мы голодны как звери.

Девушка кивнула и бросила на меня мимолётный взгляд. Но я успела заметить в её глазах немой вопрос и брезгливость.

Я лишь гордо задрала подбородок и, стараясь идти точно королева, последовала за Шведом.

?

– ЯНА –

Ресторан был шикарным и дорогим: с чучелами диких зверей; с коврами, на которых остались следы от моих стареньких кроссовок; с люстрами, которые я в жизни не видела – позолоченные с огромными хрустальными подвесками; с официантами и официантками в строгих формах и белых перчатках.

Почти все столики были заняты роскошно одетыми и никуда не спешащими людьми, что пришли в это заведение отдохнуть после трудного дня, вкусно поесть и выпить.

Играла ненавязчивая музыка – русский романс. Приятно звучал звон хрустальных бокалов.

Люди смеялись, разговаривали, кто-то молчал. И всех объединяло одно – богатство. Аромат денег, благополучия смешался с ароматом хорошей очень вкусной еды и будоражил моё сознание.

Я до слёз, до отчаяния хотела стать одной их этих людей – богатой, свободной в своих желаниях и действиях. Хочу позабыть о нищете и голоде. Навсегда.

Мы прошли в закрытую банкетку. Здесь был круглый столик, накрытый белоснежной накрахмаленной скатертью и очень красиво сервированный.

Официант отодвинул для меня стул, и я плюхнулась на него, не подумав даже снять куртку и рюкзак.

Швед разделся и остался в одной чёрной футболке.

Сейчас глядя на него при хорошем освещении, я разглядела мужчину.

У него красивые чёрные глаза, такие тёмные, что в них можно утонуть.
И пушистые ресницы – зависть любой девчонки. Но лицо хищное. Взгляд тяжёлый и мудрый.

Мой взгляд коснулся его волос. Волосы тоже тёмные – чёрные и отливают самой настоящей синевой. Так необычно.

А ещё от него веет опасностью.

Снова перевела взгляд на лицо: жёсткая щетина добавляет смертоносности, которая скрывается в нём.

Мужчина очень крупный. Он высокий и сильный. Его широкая спина и могучие плечи могут закрыть от любой беды.

Швед позволяет мне рассматривать его, сам молчит и словно ждёт чего-то.

А я не могу оторвать от него взгляда.

Смотрю на его руки.

Почему-то набухшие вены на его сильных руках мне неожиданно нравятся.

На его руках нет ни часов, ни браслетов и нет никаких колец. Похоже, он не женат.

– Нравлюсь? – спросил вдруг Швед.

Его вопрос застал меня врасплох, и я нервно дёрнулась. Ударилась коленками о стол и посуда звонко бряцнула.

– Нет, – выдохнула, не успев осознать, что сказала. Но слова слетели с моих губ. – Вы большой и страшный.

Швед растянул чувственные губы в хитрой усмешке и сказал:

– Так и должно быть, Яна. Настоящий мужчина должен пугать маленьких девочек.

Сглотнула и облизнула губы. Зачем-то согласно кивнула, словно принимала его довод, хотя по факту он надо мной посмеялся.

– У тебя есть особые предпочтения в еде? – сменил он тему и взял в руки красивую книжку. Меню.

Пожала плечами. Какие у меня могут предпочтения? Сытно поесть, чтобы потом долго можно было продержаться без еды? И неважно, что это за еда – главное набить брюхо.

– Не возражаешь, если я закажу сам? – поинтересовался он, чем вызвал у меня ещё больше нервозности.

Снова облизнула губы и кивнула.

Почему он так любезен со мной?

По идее, это я должна быть с ним милой и вымаливать прощение за попытку воровства.

К нам подошёл официант и принял заказ.

Названия блюд были для меня незнакомы, но поняла из заказа одно – Швед заказал для меня мясо.

При мысли о мясе, рот тут же наполнился жадной слюной. Руки затряслись в неверии, что через каких-то двадцать пять минут мои зубы вонзятся в сочную мякоть.

Желудок тут же отреагировал на столь яркую картину, что громко заурчал. На голодные боли я уже давно не обращаю внимания, но сейчас желудок заныл. Вздохнула и закрыла глаза.

– Пока готовят основное блюдо – попробуй вот эти гренки с маслом, – проговорил мужчина и передо мной официант опустил маленькую тарелку с тремя небольшими кусочками промасленного хлеба.

Гренки. Я никогда не пробовала гренок.

Трясущимися двумя руками взяла первую гренку и отправила её целиком в рот. Два раза хрустнула и тут же проглотила. Не веря, что, наконец, ем, схватила вторую и почти не жуя, проглотила. Третью тоже не заметила, как съела, и тяжело дыша, всё ещё ощущая дикий голод, уставилась на Шведа.

Мужчина странно на меня смотрел. Он поставил локти на стол и положил подбородок на сцепленные пальцы.

В его взгляде не было жалости. В его взгляде я увидела печаль.

– Простите… Можно воды? – спросила хриплым голосом.

На столе стоял графин с кристально чистой водой, но я не доверяла своим рукам. Не только разолью, но и разобью графин и красивые бокалы.

Швед налил полный бокал воды и придвинул его ко мне.

Выпила всё до последней капли.

В этом месте даже вода вкусная.

– Откуда у тебя синяк? – задал он мне вопрос.

Я нахмурилась. Рассказывать о своих нелицеприятных приключениях и тотальном падении не хотела. Мне было стыдно.

Коснулась сначала лица, а потом взяла обеими руками шапку и натянула её сильнее, словно пыталась скрыть свой фингал, но увы.

– Не хочешь, не рассказывай, – произнёс он, а потом кивнул на мои руки. – Но вот мой совет обязателен к исполнению. Сейчас встаём и идём в заведение, где ты помоешь тщательно с мылом руки. Поняла?

Посмотрела на свои руки и тут сжала их в кулаки.

Да, руки требовали мытья.

– Хорошо, – согласилась и хотела отодвинуть стул, как вдруг, вездесущий официант тут же оказался рядом и отодвинул стул.

?

– ЯНА –

Ресторанный туалет выглядел шикарнее, чем весь мой бывший детский дом. Даже круче, чем кабинет директрисы.

Такого кристально белого умывальника, а уж тем более унитаза не видела никогда.

Я долго мыла руки ароматным мылом. Оно пахло кокосом. И мне понравился этот запах.

Стянув шапку, критически глядела на себя в зеркало и удивлялась факту, как быстро человек из симпатичного может превратиться в страшилище.

Я была сама не себя не похожа.

Да, я грязная, волосы немытые и торчат в стороны как ершистый веник. Лицо заострилось и побледнело. Фингал красоты не добавлял.

Посмотрела на свои руки в мыльной пене и тяжело вздохнула.

Смыла пену, промокнула руки салфетками и приложила их к лицу. Шумно вдохнула приятный аромат свежести и кокоса.

Выдохнула и снова посмотрела на своё отражение.

В зеркале увидела отражение окна за спиной.

Его можно открыть и спокойно выбраться.

Я могу уйти прямо сейчас, и Швед меня не найдёт. Да и не станет он искать воровку-замарашку.

Я удивляюсь, что он вообще меня привёз в ресторан и решил накормить. Если у него проснулась жалость, то мог и в любую забегаловку меня притащить.

Странно всё это.

Может, он пытается таким способом меня удивить, покорить, чтобы я потом как покорная овца пошла за ним?

Может, он как Ржавый, решил из меня сделать товар?

Позвоночника коснулся неприятный, колючий холод и льдинкой прополз, вызвав дрожь.

Сердце учащённо забилось. Закружилась голова, перед глазами резко всё потемнело. Я едва успела ухватиться за умывальник и не упасть.

К горлу подкатила тошнота, а желудок вдруг так сильно заболел, что на глазах выступили слёзы, и я не смогла сдержать стона боли.

Приступ длился недолго, но приятного было мало.

Отдышавшись, поняла для себя, что никуда я не побегу.

Не продержусь я долго. Я изнурена, истощена. От голода скоро подохну.

Лучше бы мне с этим Шведом подружиться. Я ведь сообразительная. Я могу стать полезной. Может, я смогу его убедить, что я плохой товар, но хороший помощник? Если надо полы мыть буду, унитазы чистить.

Лишь бы крышу над головой дал и кормил сытно. Другого ничего не прошу.

Личного счастья у меня нет, и как оказывается, не знала я счастья и не знаю. Дома нет. Воспоминания полны боли, страха и агрессии, что я с удовольствием их забыла бы. Друзей у меня не было, и нет. Нечего мне вспоминать. Ржавый – предатель. Все его обещания – ложь. Никакой любви, никакой дружбы. Только расчёт.

Козёл. Гнильё. Мразь.

Ржавый был моим якорем в этой жизни. Был моим смыслом. Но после его предательства жизнь стала выжженной дотла.

И только Бог знает, как сильно я хочу выбраться из трясины нищеты и голода. Хочу стать богатой. Очень богатой. Независимой. Со связями. Чтобы никто и никогда не смел распоряжаться моей судьбой. Чтобы меня увидели ВСЕ приютские, особенно Ржавый и понял, кого предал, кого хотел сделать шлюхой и продать в угоду своего светлого будущего.

Королеву он себе найдёт. Мразь.

Я сама стану королевой!

Сжала руки в кулаки. Кулачками смахнула с лица злые слёзы и приняла решение.

Швед – мой шанс. Шанс, который я не должна просрать. Должна ухватиться за него как за соломинку.

Я хочу новую жизнь и без помощи кого-то сильного, умудрённого жизнью, имеющего власть и деньги у меня ничего не выйдет.

С этими мыслями я вернулась к Шведу.

Мужчина встретил меня долгим тяжёлым взглядом, и я заготовила уже речь в оправдание, почему так долго, но он не стал спрашивать об этом, лишь сказал:

– Снимай рюкзак, куртку. Садись и ешь. Только не спеши, если не хочешь получить заворот кишок.

Кивнула. Рюкзак бросила на пол, куртку сняла и её забрал официант – унёс куда-то. Но я уже забыла о куртке.

Жадно глядя на щедро накрытый стол, поняла, что сейчас лишусь сознания.

Запахи мяса, овощей, свежеиспечённого хлеба, морса, чего-то ещё невероятно аппетитного и наверняка вкусного, свели меня с ума.

Сжала спинку стула и пошатнулась. В глазах – темнота. Дыхание вырывается с хрипом.

Я так сильно оголодала, что не в силах даже сесть за стол и съесть кусочек этой желанной пищи.

– Яна? – сквозь шум в ушах слышу взволнованный мужской голос. Но я не в силах ответить. Мне плохо. Очень-очень плохо.

Кажется, я падаю.

Но вдруг, чьи-то сильные руки поймали меня, не дали упасть. И кто-то сжал меня так крепко, даже жадно, словно боясь потерять.

– Яна! Ну-ка, девочка, очнись… Открой ротик и выпей.

Губ коснулся холод стекла и в рот полилась вкусная вода.

Жадно выпила всё что было в бокале и открыла глаза.

Я полулежала на полу. Швед сидел на корточках передо мной. Плечи и голову мужчина держал у себя на коленях. В его чёрных глазах плескалось настоящее беспокойство.

– Это сколько же ты не ела, Яна? – усмехнулся он как-то горько. – Мне жаль тебя разочаровывать, мелкая, но сегодня съесть я дам тебе немного. Иначе тебе станет так плохо, что этот приступ покажется раем.

– Можно… мясо? – прошептала я.

Он вздохнул и сказал:

– Нужно. Я специально для тебя заказал куриный суп. Съешь его и салат.
На этом пока всё, иначе желудок вернёт всё обратно.

Он помог мне подняться и сесть за стол. Потом вдруг придвинул ко мне свой стул и что вообще неожиданно, сам зачерпнул ложку ароматного, просто одуряюще вкусно пахнущего супа и протянул ложку к моему рту.

– Открывай рот, мелкая, – с улыбкой проговорил Швед. – Сам покормлю тебя.
И не противься, у тебя сил нет даже ложку держать.

Даже не собиралась противиться. У меня и правда, силы были на исходе.

Открыла рот как послушная девочка и зажмурилась, замычала от удовольствия, когда мой рот наполнился горячим, но не обжигающим бульоном. Нежный суп с ярко выраженным вкусом.

Мне показалось, что от этого удивительного куриного супа веяло теплом домашнего очага.

Следующая ложка – не только бульон, но и кусочек курицы. Потом – клёцка.

И так вкусно, что не могла сдержать стон.

А когда тарелка опустела, я посмотрела на Шведа, открыла рот, чтобы сказать ему… Не знаю, что сказать… Спасибо? Можно мне ещё супа? Хочу остаться здесь навсегда?

Боже, какая я жалкая!

Вместо слов с губ сорвался всхлип, а потом я просто как самая настоящая девчонка разревелась.

Глава 4

?

– ШВЕД –

Яна ест так, словно пробует самое изысканное блюдо. Её лёгкие стоны удовольствия пробегают вдоль позвоночника, рождая тёмные желания. Перед глазами возникают непристойные и не для глаз юной девушки картины, где она стонет и извивается подо мной…

Проклятье.

Приходится усилием воли прогонять непрошеные мысли и сосредоточиться на маленькой брошенной всеми малышке.

И глядя на её аппетит, на её хрупкость и худобу, внутри пробуждается что-то другое, незнакомое. У меня что-то щемит в груди и становится невыносимо жаль девчонку.

За что судьба с ней так жестока? Совсем ещё зелёная, жизни толком не видела, но во взгляде не по годам плещется разочарование. Она должна радоваться жизни, совершать ошибки юности, влюбляться, смеяться, удивляться, познавать этот мир, но вместо этого борется за своё существование.

Как же мне это близко и знакомо. Но я мужчина. Даже тогда, когда был совсем ещё пацан, повзрослел быстро, переступил через детство и начал принимать серьёзные и ответственные, порой неправильные, но уже взрослые решения. А она ведь девочка. Не должна такая милая и юная малышка бороться за кусок хлеба, прятаться от ментов, сражаться с ублюдками и каждый новый день начинать с голода.

Было совершенно ясно, что её некому защищать. Одна, совершенно одна. Очень плохо, что некому защитить эту милую маленькую девочку.

Закончив с куриным супом, я сменил тарелки и поставил перед ней салат. Нанизал на вилку кусочек помидора, но вдруг, она приоткрыла рот, словно собралась что-то сказать, но вместо слов с её губ сорвался всхлип, а затем рыдания.

И эти огромные глаза цвета ясного неба наполнились такой отчаянной горечью, что я замер в непонимании.

Яна закрыла лицо руками.

– О, малышка, не плачь, – пробормотал успокаивающе.

Мне бы её обнять, но по себе знаю, как жалость унижает. Потому я произнёс чуть насмешливо:

– Если суп был отвратителен, скажи, я немедленно прикажу сварить повара вместо курицы.

Это помогает. Мои слова заставляют её думать не о том, что жизнь – сука, а о поваре, который приготовил очень вкусное блюдо.

– Что? О, нет-нет… – прошептала она сдавленно и быстро вытерла салфеткой влагу с лица. – Суп вкусный. Очень. Правда-правда. Повара не надо… варить…

Я рассмеялся, хотя не хотелось. Но мой смех немного успокоил её, снял напряжение.

Мне бы обнять её и сказать, что всё будет хорошо.

Но не поверит.

– Салат? – предлагаю ей.

Она кивает и отбирает вилку, ест теперь сама. Ест быстро, заталкивает в рот сразу много и прожёвывает плохо.

Но я не останавливаю, не критикую. Понимаю, должно пройти время.

Салат приканчивает очень быстро. Потом выпивает морс и смотрит на меня осоловевшим взглядом.

Невольно икает и закрывает ладошкой рот.

– К сожалению, пока больше нельзя, иначе дурно станет, и без доктора не обойдёшься, – произнёс мягко.

Она кивает, но в глазах вижу сожаление.

Ох, девочка.

Подозвал официанта и другие заказанные блюда прошу завернуть с собой.

– Спасибо… – пробормотала она, комкая пальцами салфетку. – Я хочу… Хочу вас попросить…

Голос звучит неуверенно, даже жалко. Вижу, что она вся сжалась, хочет сказать нечто важное, возможно судьбоносное для неё, но боится. Боится насмешки или страшнее – отказа.

– Не бойся, Яна. Говори, что хочешь попросить? – мягко подталкиваю её.

Она поднимает на меня взгляд и долго смотрит, покусывая нижнюю губу. Уверен, малышка даже не осознаёт, насколько она сексуальна в своей ранимости и хрупкости.

Опускает голову, её плечи поникли, кажется, она собирается закрыться в себе и не озвучить своего желания изменить эту проклятую жизнь.

Я медленно протянул руку и осторожно приподнял её подбородок, заставляя посмотреть на меня. Я сделал всё мягко и деликатно, потому что она невероятно нежная и хрупкая.

Беспокойство заполнило её взгляд.

– Что ты хотела мне сказать?

Она смотрит прямо в глаза и говорит надломлено:

– Я потеряла всё, что у меня было. У меня ничего нет. Совсем ничего.

Голос на последнем слове дрогнул. Она сглатывает, но сдерживается, чтобы снова не зарыдать, хотя глаза уже повлажнели и вот-вот слёзы сорвутся с ресниц.

Она снова закусывает нижнюю губу, и я вижу, как на её лице вновь появляется нерешительность. Но Яна берёт себя в руки и продолжает:

– Мне некуда идти. Меня никто не ждёт. У меня нет ни дома, ни семьи, ни друзей. Единственный человек, которому я верила… предал… Он забрал мои накопления, я хотела учиться не в ПТУ, а в университете… А он… Он хотел продать меня… кому-то богатому… А мы ведь вместе росли в детдоме…

По её щеке скатилась слеза. Тонкие пальчики сжались в кулаки.

– Он сказал… Сказал, что берёг меня для своего будущего. Сказал, что на самом деле я ему никогда не нужна была. Что я – безродная, а он найдёт себе королеву. Он собрался продать мою девственность и сделать из меня шлюху… Нашёл покупателя… Я сбежала…

Убрал руку от её лица и сжал в кулак.

Яна вздрогнула, увидев, как на моём лице отразились гнев и ярость.

– Его имя? – не своим голосом потребовал я.

Яну испугала такая перемена во мне, и она тут же ответила:

– Роман Геннадьевич Ржавый. Но все в детдоме зовут его Ромка Ржавый.

Взял телефон и набрал своего друга и помощника.

– Швед, привет, – ответил Данте. – Ты уже был у Кеныча?

Про себя выругался. Я уже и забыл про свои дела.

– Клуб закрыт, – ответил сухо. – Займусь Кенычем чуть позже. Данте, у меня срочное задание для парней.

– Говори, – не задавая вопросов тут же произнёс друг.

– Роман Геннадьевич Ржавый или Ромка Ржавый. Детдомовец.

Взглянул на Яну и спросил:

– Адрес есть?

Мелкая закивала и, глядя на меня расширенными то ли от удивления, то ли от ужаса глазами, назвала адрес.

Передал адрес Данте и сказал:

– Приведи его ко мне. Живого. Желательно целого.

– Если окажет сопротивление? – хмыкнул Данте.

Посмотрел на перепуганную мелочь, и криво усмехнувшись, произнёс:

– Сильно пусть его не портят.

– Лады. Я перезвоню, – ответил Данте и отключился.

– Что… Что вы задумали? – выдохнула она едва слышно.

– А на что это было похоже? – ответил вопросом на вопрос.

Не раздумывая, она поинтересовалась:

– Вы собираетесь убить Ржавого?

– Убить? – хмыкнул я, внимательно глядя на малышку. – А ты бы этого хотела?

Она нервно сглотнула, коснулась горла, потом облизнула губы и выдавила из себя:

– Я бы хотела… Чтобы ему было больно. И чтобы он понял… что я не шлюха…

Кивнул и решил пока попридержать в узде свои эмоции насчёт этого чмушника Ржавого и того, что он собирался сделать с этой милой девочкой.

«Значит, девственница», – напомнил внутренний голос.

От этой мысли член пришёл в боевую готовность.

В этот момент пришёл официант, поставил бумажные пакеты с едой на стол и, кивнув мне, сказал:

– Мы записали на ваш счёт, Олег Викторович.

– Отлично, – кивнул в ответ и оставил на столе чаевые. – Идём, Яна, договорим в машине.

Я помог ей подняться, надел на неё тонкую куртку. Руки задержал на её плечах чуть дольше нужного, отметила про себя её худобу.

Откармливать и откармливать. И надо бы показать её доктору. Может, витамины, какие ей понадобятся.

Мы подходим к машине, и я открываю пассажирскую дверь для неё.

– Куда вы меня повезёте? – спрашивает она, и я слышу нотки страха.

– Сейчас договорим и решим этот вопрос. Садись, Яна.

?

– ЯНА –

Я смотрю на Шведа. Задаюсь вопросом, что со мной теперь будет? Что будет с Ржавым? Неужели Швед, правда, что-то сделает этой сволочи? Если всё так, то почему? Зачем ему возиться со мной и моими проблемами?

Может, потом он пожелает получить отдачу за свою услугу?

Я не верю, что он вот такой хороший. Этот мужчина опасен.

Наверное, я должна бежать от него, должна плакать от страха за своё будущее, потому что мне некуда бежать. Да и слёз больше нет. Я устала бояться, беспокоиться и думать, что может быть всё ещё хуже.

Но при этом, с этим мужчиной мне комфортно и спокойно.

Да, именно спокойно. С ним я чувствую себя в безопасности.

Мы сели в машину, и Швед сказал, включив обогрев:

– Я слушаю, Яна. Мы не договорили. Эта история с… Ржавым немного меня вывела из себя, и я прервал тебя. Продолжай, девочка.

– Продолжать? – переспросила, едва ворочая языком.

– Да. Ты хотела о чём-то меня попросить, – напомнил Швед.

От тепла и сытости меня начало клонить в сон. Но его слова меня встряхнули.

Сцепила руки и, глядя прямо перед собой, неуверенно произнесла:

– Да… Хотела… Я… Я не хочу больше жить на улице. Но мне некуда идти. Не хочу больше голодать… Но денег нет…

Медленно повернула голову в его сторону и увидела, что Швед не насмехается, а смотрит на меня внимательно и слушает.

Он кивнул и я, чуть осмелев, облизнула губы и продолжила:

– Мне хочется учиться. Хочется жить нормально. Я… Я хочу попросить вас, Олег Викторович, о помощи. Возьмите меня на работу. Пожалуйста. Я могу убираться у вас. Или где скажете. Я буду мыть полы, чистить унитазы. Я могу… стирать… Готовить, правда, не могу, не умею… Или что-то ещё… Я быстро учусь. Правда. Я хочу заработать на учёбу и свой дом…

Чувствую, как под его тяжёлым взглядом моё лицо розовеет.

– Я тебя услышал, – ответил он спустя бесконечность.

Больше ничего не сказал.

Завёл джип и выехал с парковки.

Я долго смотрю в окно на вновь пролетающий город и нервничаю.

Потом перевожу взгляд на Шведа, но он не отводит взгляда от дороги.

Интересно, он поможет мне? Или нет?

Мы едем молча. Я кусаю губы и не могу найти в себе смелость задать вопрос. Боюсь, что он скажет «нет».

Музыка в машине не играет. Слышен лишь звук двигателя.

Украдкой изучаю его и снова цепляюсь взглядом за его руки. И не могу на них не смотреть.

Его руки то напрягаются, то расслабляются – большие и сильные. Просто завораживающее зрелище.

Мы едем долго. Швед увозит меня в район, где я никогда не была.

Здесь живут одни богачи. Дома шикарные. Скверы ухоженные. Магазины здесь другие – солиднее, что ли.

Вскоре мы въезжаем на территорию одного из этих потрясающих домов.

Даже шлагбаум есть. Камеры. Охрана.

Это его дом?

Он привёз меня к себе?

От этой мысли сердце бьётся не в груди, а где-то в горле. И, несмотря на то, что страх немного отступил, пульс бьётся как сумасшедший.

Швед паркуется и глушит машину.

– Сиди, я сейчас, – говорит он и выходит из машины.

Он подходит с моей стороны и открывает двери, помогает выбраться.

От сытости меня немного шатает. А ещё ужасно хочется спать. Но при этом мой мозг взбудоражен. Странная смесь, правда?

– Вы здесь живёте? – осмеливаюсь спросить.

Смотрю на мужчину, но его лицо не выражает никаких эмоций.

– Одна из моих квартир в городе, – отвечает небрежно.

Забирает из машины ресторанную еду и ведёт меня за руку за собой. Прямо в эту высотку, где живут очень богатые люди.

Я никогда не была внутри подобных домов.

Меня пугает и одновременно восхищает чистота, красота и запах. Запах роскоши, денег, свободы.

Консьерж – немолодой мужчина с густыми седыми усами в синем свитере и джинсах кивает Шведу, узнав его.

Он сидит в объёмном кресле и смотрит телевизор. Его уголок, закрытый сплошь стеклом от пола до потолка и стеклянной же дверью больше похож на кабинет.

Прямо здесь, в роскошном подъезде стоят в огромных горшках пальмы. Какие-то цветы. На стенах со вкусом развешаны картины в рамах.

Мы идём к лифту, и я верчу головой, раскрыв в удивлении рот.

Это не тот затрапезный дом Ржавого, где подъезд весь провонял мочой, блевотиной, сыростью и старостью. Где штукатурка осыпалась, стены пошли глубокими трещинами, а бетонные ступени стёрлись и стали местами округлыми.

Лифт меня заворожил.

Тоже чистый. Тоже большой. И с зеркалом во всю стену!

Швед нажал кнопку последнего этажа. Ого. Высоко забрался.

Лифт плавно без дёрганья поехал вверх и домчал нас до последнего этажа всего за минуту!

На площадке было всего две квартиры.

Швед ключом открыл свою, и пригласил:

– Входи, Яна.

Неуверенно прошла внутрь. Швед включил свет. Не разуваясь, прошёл по квартире, включая свет во всех комнатах. Или почти во всех.

Я разулась. Ещё и носки сняла, чтобы не пачкать изумительный пол своими носками и медленно прошла вглубь квартиры.

Ультрасовременная, просторная квартира лишила меня дара речи.

Швед поставил на кухонный островок пакеты, включил в розетки какие-то вилки и сказал:

– Пока будешь жить тут. Осматривайся. Пользуйся. Посуда новая. Постельное бельё, полотенца тут есть. Мыльные принадлежности тоже имеются. Так, что ещё…

Он вёл себя как-то странно, словно отстранился, сделал шаг назад и уже сожалел о принятом решении.

Мне стало очень неуютно.

– А вы… не останетесь? – спросила едва слышно.

Швед посмотрел на меня, вздохнул, отвёл взгляд и ответил почему-то хмуро:

– Нет.

– Но… это же ваш дом… – прошептала. – Получается, вы уходите из своего дома… Я не…

– В этой квартире я ещё ни дня не жил, – оборвал мои блеяния Швед.

Да, он говорил, это одна из его квартир. И видно, что тут никто не жил. Пахнет всё новым. И нет тут запаха человека.

Осмотрелась.

Гостиная и кухня объединены. Есть лестница на второй этаж.

– Спальня на втором этаже, – увидев мой взгляд, обращённый на лестницу, пояснил мужчина и взглянул на часы на руке. – Яна, оставлю тебя здесь. Отмывайся, отсыпайся. Утром поешь. Еду убрал в холодильник. А завтра в обед я приеду, и обсудим твоё будущее. Справишься?

Пожала одним плечом. Отчего-то мне стало не только некомфортно, но и страшно, но признаться не смогла и ответила:

– Да. Я справлюсь. Спасибо вам.

Швед ничего не сказал, лишь криво улыбнулся, кивнул и ушёл.

Глава 5

?

– ШВЕД –

Произошло всё не совсем так, как я представлял себе, но и этого вполне достаточно.

Я видел, что девчонка нормальная, и она отчаянно хочет выбраться из трясины нищеты и той жизни, куда она могла бы угодить. Воровство – ерунда по сравнению с проституцией и наркоманией. И просто чудо, что она не попалась в руки всей той гнили, что ищет девушек без родных, без дома. Ей повезло, что она встретила меня.

Также видел, что она хочет поверить и довериться мне, чтобы будущее, которое она себе уже нарисовала, оказалось реальностью, а не сном.

Всё будет у тебя, мелкая. Всё будет.

Оставил её одну в квартире, хотя интуиция «говорила» нельзя. Но я не смог остаться. Не доверял самому себе.

Слишком Яна манкая оказалась. Слишком беззащитная и беспомощная, как ребёнок, что захотелось скрыть от всего мира и разорвать любого, кто обидел.

Что это за помутнение рассудка?

Мне не понравились собственные мысли. Ладно, просто желание, но остальное?..

Но всё же оставлять её одну нельзя. Ещё надумает себе страшилок.

Решил навестить Кеныча, дело нужно сделать и вернуться к ней. Присмотреть.

Но до владельца боксёрского клуба не до ехал.

Позвонил Данте.

– Швед, нашли и доставили в офис твоего клиента, – отчитался Данте.

Сжал телефон в руке до хруста и злорадно оскалился.

– Отлично. Сейчас буду, – ответил я и бросил телефон на соседнее сиденье.

Развернул машину в другую сторону и направился в свой офис.

Пока мчусь, ярость нарастает во мне, и я сжимаю руль. Вспоминаю слова Яны, что этот мудак хотел сделать – продать её!

Добираюсь до офиса за полчаса.

Разместил его не в модной высотке, не в презентабельном деловом центре города. Наоборот, выбрал место проще – промышленная часть города.

Здесь, среди складов, производственных предприятий и гаражей разместился мой офис. Я выкупил всё здание когда-то бывшей кузнечной мастерской. Место отличное. Имеется и зал переговоров, и кабинет, и комната отдыха, бассейн и сауна. Но также есть и комната для допросов.

Хорошее место. Удачное.

Припарковал тачку и вошёл в здание.

Сразу прошёл в комнату допросов и, кивнув парням, спросил Данте:

– Это он?

Мой друг и верный товарищ хмыкнул.

– Он самый. Роман Геннадьевич Ржавый.

Парень сидел на стуле со связанными за спиной руками.

Рыжий, с длинным птичьим носом и неаккуратными патлами на голове; одет был в футболку, поверх неё пиджак не по размеру, и синие джинсы, облегающие худые ноги. Я рассмотрел его внимательно: худой, нескладный, некрасивый и кургузый, как ощипанная птица.

Да и парни немного внешность ему подправили. Нос сломан, губы разбиты. Неплохо.

Это был Роман Ржавый с детдома Яны. Тот, кто собирался сделать мерзость и устроить на горе мелкой свою судьбу.

Я подошёл и остановился в двух шагах от этого отброса и произнёс, едва сдерживая ярость:

– Добрый вечер, Роман.

Ржавый всё это время смотрел на меня и молчал.

Его взгляд бессмысленных глаз так и бегал. В глазах застыл тупой, животный ужас.

Парень был жалок, он, то бледнел, то краснел и дрожал.

– К… кто вы? – сорвался шелест с его разбитых губ.

Я усмехнулся и посмотрел на своих парней.

– Ребята, оставьте нас для приватной беседы.

Парни понятливо оскалились и ушли.

Остались я, Данте и наш гость – Ржавый.

Данте достал из холодильника банку холодного пива, развалился на диване и открыл крышку. Шипящий звук напитка наполнил помещение.

Я обошёл Ржавого по кругу, остановился снова напротив и задал вопрос:

– Ты сделал очень дурной поступок. Обидел одну девушку. По твоей вине она оказалась на грани жизни и смерти. Как считаешь, какое наказание ты заслужил?

Он вскидывает голову и широко раскрытыми глазами смотрит на меня в недоумении.

– Я… я… я никого не обижал. Клянусь вам, – прохрипел он, трясясь как заяц. Какой же он жалкий тип.

– Яна Майская, – произнёс я резко. – Это имя тебе знакомо, верно?

– Янка? – выдохнул он. В его глазах просветлело, и он вдруг успокоился. Хмыкнул. – Яна – моя девка. Она мне задолжала. А вы… вы знаете, что по долгам всегда нужно платить. Она у вас?

– Твоя девка? – прорычал я и сжал руки в кулаки.

– Да. Янка – шлюшка, я её представи…

С меня достаточно словесного поноса.

Схватил Ржавого за горло и высоко над полом поднял на одной руке. Он задёргал ногами и захрипел. Руки у него связаны, помочь себе не может.

Ржавый начинает задыхаться.

Из-за пояса вытаскиваю пистолет и прижимаю к его лбу. Перед глазами красная пелена. Гнев кипит в венах, и я хочу убить ублюдка.

– Олег? Ты решил забрызгать его мозгами наш новый пол? – отрезвил меня Данте.

Бросил Ржавого, и он начал жадно хватать ртом воздух.

Сел перед ним на корточки.

– Ты знаешь, кто я? – спрашиваю угрожающе спокойно.

Ржавый качает головой.

Данте ржёт и говорит за меня:

– Перед тобой сам Швед. Не тому дяде ты дорогу перешёл, Ржавый.

Услышав моё имя, Ромка Ржавый испуганно распахивает глаза и открывает в изумлении рот. Я вижу его кривые нижние зубы, по которым давно плачет ортодонт.

– Вижу, моё имя тебе знакомо, – сказал я тихо. – Тогда ты должен очень хорошо подумать и рассказать мне в самых мельчайших подробностях, что ты собирался сделать с Яной. Кому продать её. За какие деньги. Когда и где должна была состояться стрелка.

Ржавый трясётся, обливается холодным потом, но молчит. Сука.

– Знаешь, а ведь Яна просила, чтобы тебе было больно, – произнёс я с улыбкой.

Не мешкая, направил пистолет на ногу Ржавого и прострелил ему колено.

Парень взвыл не своим голосом. Заметался по полу и заскулил от боли.

Дёрнул Ржавого на себя и приставил горячее дуло к его паху.

Он издаёт жалобный крик, и я сильнее прижимаю пистолет.

– Я тебя слушаю, – говорю спокойно.

И Ржавый говорит.

Я узнал всё что нужно.

Продать Яну эта ублюдочная тварь собиралась цыганам. Группировке, что отправляет девушек за границу и те исчезают навсегда.

Но для начала он хотел заработать на её девственности, отдав малышку для развлечения за два миллиона одному чмырю, имя которого я тоже запомнил.

Убрал пистолет и кивнул Данте.

– Скажи пацанам, пусть позаботятся об этом теле.

Данте, выслушав исповедальную речь Ржавого, глядел на него очень и очень нехорошим взглядом.

Данте отсидел в тюрьме шесть лет. И он расскажет ублюдку в подробностях, что делают на зоне с такими как Ржавый. И даже продемонстрирует.

– Всё сделаем, – ухмыляется Данте.

Я оправляю куртку и покидаю свой офис.

Стараюсь, чтобы мысли о том, что могло случиться с Яной, не встреть она меня, не лишили меня здравого смысла.

Девочка будет под моей защитой.

И никакая гнида не прикоснётся к ней.

Похоже, нужно позаботиться об этом прямо сейчас.

Кеныч и до завтра подождёт.

Сажусь в машину и возвращаюсь к мелкой.

?

– ЯНА –

Прошла целая вечность, как Швед ушёл.

После его ухода долго обследовала квартиру, рассматривала детали, поражалась современной и непонятной мне технике.

Потом залезла в пакеты из ресторана и съела небольшой кусок ароматного хлеба.

Затем прошла в спальню на втором этаже. Нашла постельное бельё. Новое, чистое, выстиранное и выглаженное. Застелила кровать, наслаждаясь запахом свежести и чистоты. Божественно.

А далее, я решила, наконец, исполнить своё маленькое желание – помыться.

Хозяйская ванная Шведа поразила меня.

Ванная комната ультрасовременная и стильная.

А ещё здесь, как и во всей квартире был тёплый пол. Удивительно.

Гранитная плитка придавала ванной аристократизма и роскоши. Я долго рассматривала помещение – дорогое и самодостаточное.

Комната была огромной. Вмещала и ванную на возвышении, а в противоположной стороне находилась просторная душевая за стеклянной перегородкой.

Два умывальника в виде чаш расположились по центру, над ними сплошное зеркало с подсветкой.

Есть тут шкаф, в котором нашла множество полотенец разных размеров; два халата – оба мужских. Ну и что, зато тёплые и махровые. Были в шкафу и баночки, банки, коробки со средствами по уходу за телом, лицом и волосами. Прелесть.

Мне хотелось забраться в ванную, наполненную горячей водой и ароматной пеной, но я была не уверена, что в итоге не разомлею и не засну. А заснув, могу утонуть. Это будет очень печальный финал.

В душевой пришлось повозиться, так как привычных кранов не было. Лишь большая квадратная хромированная панель. Касаешься её, и вода бежит. Если вправо и влево поводить по ней, то можно выстроить нужную температуру. Вверх и вниз – напор воды. А чтобы выключить, нужно дважды коснуться середины.

В душевой были две полки. На неё я поставила шампунь, бальзам для волос, гель для тела, новую жёсткую мочалку, зубную пасту и щётку. Всё было новым и запакованным.

Распаковывала так воодушевлённо, словно это подарки на Новый год.

Грязную одежду бросила прямо на пол в прачечной, что находилась на первом этаже квартиры. Там была стиральная машинка, но мне хватило одного взгляда на неё, чтобы понять – мы не с ней не подружимся. Это и близко не та машина, которой я пользовалась в детдоме – та была простая с подписанными режимами. Здесь что-то слишком много кнопок, и написано всё на иностранном языке.

Вернётся Швед, попрошу его научить меня пользоваться техникой. Если позволит остаться здесь на какое-то время.

Ох, сколько у меня к нему вопросов и предложение. Но он обещал завтра приехать и мы всё обсудим.

Может, он возьмёт меня домработницей? Квартира у него большая, красивая, я бы с удовольствием тут убиралась. И жила. Чего греха таить, я бы тут навсегда осталась.

Закусила губу, тряхнула головой и прогнала все мысли прочь.

Теперь мыться.

Горячая вода обволакивала и расслабляла все мышцы. Я положила руки на гранитную стену, опустила голову и позволила горячей воде смыть все тревоги.

– Как хорошо… – прошептала с наслаждением.

Это был истинный рай.

Горячий пар вскоре наполнил комнату, а я всё просто так стояла под упругими струями и тихо радовалась своему маленькому мимолётному счастью.

Как же человеку мало нужно для радости.

Потом я с ленцой на два раза вымыла голову. Нанесла бальзам для волос, который пах бесподобно. Наверное, именно так и пахнут богатые люди.

Натёрлась мочалкой, чуть ли не сдирая кожу, так сильно хотела стать чистой и смыть с себя все тяготы последних дней.

Смыла с себя всю пену, хорошо промыла волосы, почистила зубы и, ощущая себя кристально чистой, свежей и с открывшимся вторым дыханием, с улыбкой на губах вышла из душа.

Пар заволок комнату добела, но включилась автоматическая вытяжка и тихо зашелестела, вытягивая жаркий пар.

Я подошла к шкафчику, где находились всякие классные бьюти продукты, и достала с самой верхней полки банку с кремом.

Это была почти литровая банка с кремовым суфле жемчужного цвета.

Написано тоже на иностранном языке, но я не совсем уж тупень и перевела: «Крем для тела».

Открыла банку и поднесла к носу.

– Как же ты хорошо пахнешь, – расплылась в счастливой улыбке.

Нежный и тонкий аромат мне понравился, и я решила нанести этот волшебный воздушный крем на своё тело.

Снова сунула нос в банку…

Вдруг…

Звук шагов и голос:

– Яна, я вернулся…

От неожиданности, руки у меня дрогнули, ослабели, и банка с кремом полетела вниз.

Звон бьющегося стекла оказался оглушительным.

Кремовая масса, казалось, брызнула во все стороны и испачкала всю ванную – от пола и до потолка!

Я ахнула и тут же заметалась.

Это и стало моей роковой ошибкой.

Влага, что стекала с тела и волос, да ещё крем под ногами, плюс скользкий пол, и я полетела вниз, размахивая руками. На инстинктах пыталась за что-нибудь ухватиться, но руки поймали лишь воздух.

Для здорового и крепкого человека, всё закончилось бы падением на колени, но речь шла обо мне. Я сильно ослабела и координация была ни к чёрту.

В итоге, я оказываюсь на полу на разбитом стекле и вся измазанная в креме.

Хорошо хоть головой не стукнулась, а то бы раскроила себе череп и умерла.

Или инвалидом стала.

Жуть просто. И почему я такая невезучая, а?

Ладони и правую ягодицу обожгло болью.

Шипя, посмотрела на руки – мелкие осколки впились в кожу и тонкие струйки крови уже начали стекать на пол.

– Чччёрт! – прошипела сквозь стиснутые зубы.

– Яна? – голос за дверью снова заставил вздрогнуть и оторвать взгляд от ладоней.

– Я здесь… – пролепетала жалко. Вздохнула и добавила: – Я упала и…

– Упала?

Дверь тут же рывком распахнулась, впуская в жаркую ванную прохладный воздух и запах Шведа.

– Бл… Проклятья, Яна, – выругался он.

Вжала голову в плечи и скрестила руки на груди, колени подтянула до самого подбородка.

– Простите… – прошептала виновато.

Швед рассмотрел учинённый мной бардак и увидел капли крови.

– Ты не покалечилась? – хмуро поинтересовался мужчина и присел на корточки, заглядывая мне в лицо.

Пожала плечами.

– Ладони немного порезала.

– Покажи, – потребовал он.

Протянула руки, неуклюже и кое-как прикрывая грудь.

Он взял мои ладошки в свои большие руки и вздохнул.

– Ты просто ходячее бедствие, – произнёс он.

Я морщусь. Это точно, я – бедствие.

– Нужно вытащить осколки, продезинфицировать и заклеить пластырем, – заключил Швед. – Я тебя сейчас подниму, чтобы ещё стёкол себе не вонзила, хорошо?

Под его внимательным взглядом густо покраснела. Я ведь сейчас полностью обнажена. Но он прав.

– Ладно, – согласилась я.

Его руки коснулись моего тела, моей кожи и я вздрогнула. Руки у него сильные. В подтверждение он словно пушинку подхватил меня на руки и вдруг выдохнул:

– Твою мать, Яна, на полу лужа крови. У тебя месячные?

– Что? Не-е-ет… – переспрашиваю удивлённо и пытаюсь посмотреть на ту самую лужу, но швед уже уносит меня из ванной прямиком в спальню.

– Значит, поранилась, – говорит он.

Бережно опускает на кровать и хриплым, кажется, раздражённым голосом говорит:

– Ляг на живот, я посмотрю, какая рана.

Голос требовательный и мужчина настолько сердит и хмур, что я не пытаюсь даже и слова возразить.

Переворачиваюсь на живот, держа при этом ладошки широко раскрытыми, так как от осколков они болят.

И едва вытягиваю ноги, как под правой ягодицей вспыхивает сильная боль.

– А-а-а-й! – взвизгиваю невольно и на глазах выступают слёзы.

Мужчина же шумно выдыхает:

– Проклятье… Встань на колени, Яна…

Мой голый зад оказывается на одном уровне с лицом Шведа.

– У тебя неприятный порез… Прямо… под ягодицей… И стекло в ране, – говорит он совсем не своим голосом.

Наверное, он в бешенстве, что я запачкала кровью белые простыни, разбила банку с дорогим кремом, намусорила в ванной. Блин, он меня теперь выгонит!

– Я… я не специально… – проговорила жалобно.

Глава 6

?

– ШВЕД –

За свои сорок три года я выработал совершенный физический контроль над собой. Как человек, вращающийся в криминальной сфере, я должен был это уметь, если желал выжить и жить.

По своему желанию я мог замедлить сердцебиение. И моё сердце никогда не подпрыгивало при виде обнажённой женщины и аппетитной попки и не менее очаровательной киски.

Блядь, блядь, блядь!

Когда мне хотелось секса, я занимался им, выбирая партнёрш, которым нравилось, когда им указывали, что делать, которые не возражали против того, чтобы я был главным, и самое важное, они знали, что после того как всё закончится, от меня не следует ничего ждать. Никакой любви. Никаких отношений. И уж точно никакой семьи.

Иногда, даже когда я хотел секса, то отказывал себе, чтобы сохранить контроль.

Сейчас, глядя на раненную Яну, я ощущал себя полным идиотом.

Странное и необъяснимое притяжение, которое я ощущаю вокруг неё, очарование – всё это напрягает, нарушает мой контроль.

Не обращая внимания на нелепое сердцебиение, и стараясь не глядеть на пушистую киску между ног мелкой, я осмотрел рану и сказал:

– У тебя неприятный порез… Прямо… под ягодицей… – голос дрогнул и прозвучал слишком низко и резко.

– Я… я не специально… – проговорила вдруг она жалобно.

Блядь! Она думает, что я сержусь.

Да, я сержусь. На самого себя. На свои чёртовы инстинкты и неуместное желание.

– Как же ты умудрилась порезать задни… ягодицу? Ладно, руки… – решил я пошутить, но вышло опять грубо.

Яна вздохнула совсем уж печально и говорит:

– Можете называть меня сенсеем среди неудачников.

– Всё не так, – произношу, осторожно касаясь нежной кожи вокруг раны. – Значит так, Яна, я сейчас вытащу осколок, продезинфицирую и заклею пластырем. Проделаю также с ладонями. И сразу отвезу тебя в больницу. На ягодице потребуется наложить шов и…

– Не-е-ет! Нет, нет, нет! – вдруг отчаянно запротестовала она и дёрнулась, причиняя самой себе новую боль. – Не нужно в больницу… Пожалуйста…

Я в недоумении. Но решаю не спорить и не настаивать. Вон как трясётся, того гляди и сознания лишиться.

Чёрт, как всё не вовремя.

– Ладно, не бойся. Никакой больницы, сам всё сделаю, – успокаиваю её.

Мелкая тут же облегчённо выдыхает.

– Но ты обязательно мне расскажешь, почему боишься больницы, – говорю тоном, не терпящим возражений.

– Нечего рассказывать, – произносит она тихо, – у меня с больницами и врачами связаны не самые лучшие воспоминания и соответственно, ассоциации.

Качаю головой.

– Вот и расскажешь. Я сейчас схожу за аптечкой. Не двигайся.

Вернулся быстро. Сел на кровати, стараясь поудобнее устроить свой стояк так, чтобы его было не сильно заметно. Яна итак чувствует себя неуютно. Ещё у меня

реакция не к месту.

– По молодости мой наставник заставил меня обучиться всему самому необходимому в жизни, включая оказание первой помощи. Я зашью рану. Но девочка, тебе будет больно. Обезболивающего у меня нет…

– Ничего, я потерплю, – говорит она быстро. – Знаете, год назад мне устроили одну пакость – вбили гвоздь остриём вверх на лестнице, по которой я всегда первой сбегала из общей комнаты, как проснусь. Со всей силы напоролась пяткой на острие. Боль была такой дикой, что я чуть сознание не потеряла. Как раз Ржавого не было… – она умолкла на мгновение и быстро договорила: – Короче… Никакой больницы не было. Промыла водой и само всё зажило. Так что… зашивайте. Я привычная.

Мне жаль слышать это. Мне откровенно жаль её саму. Мне жаль, что никто ей ласки не давал и нормально не защищал. Мудак Ржавый не считается.

Я так ясно себе представляю, как она тихо страдает в детском доме, но молчит, и это рвёт мне сердце. Я смотрю прямо перед собой, и во мне разгорается гнев, но мне не на ком и не на чем сорвать его. Всё внутри кипит, я сижу рядом с ней, стиснув зубы, и надеюсь, что мелкая не чувствует исходящие от меня эмоции гнева.

Тряхнул головой и сосредоточился на её ране.

Пинцетом осторожно вытаскиваю осколок.

Кровь льётся и льётся. Прикладываю антисептическую салфетку и Яна глухо шипит. Промываю антисептиком рану и пока оставляю её так.

– Так, давай сейчас займёмся твоими руками, а потом я зашью рану.

С ладошками справляюсь быстро: вытаскиваю все осколки, дезинфицирую, заклеиваю пластырями.

Когда приготовил крючковатую иглу и нить, говорю:

– Готова?

Она кивает и закусывает подушку.

Прокалываю кожу с внешнего края вовнутрь.

Яна шипит и резко дёргается вперёд, всё её тело напрягается. Она стонет от боли и утыкается лицом в подушку.

Я замираю.

– Яна, постарайся не дёргаться, – стараюсь говорить ласково, но голос вибрирует.

– Неприятно, – жалуется она и снова выпячивает попу.

– Прости, – выдавливаю из себя.

Мой кадык дёргается, когда с трудом сглатываю.

Прикладываю салфетку, чтобы убрать кровь, мне нужно видеть края раны. И легонько дую на порез.

Кожа мелкой мгновенно покрывается пупырышками, и я вновь ненавижу себя за неуместное желание и развратные мысли и картины, которые рисует моё богатое воображение.

Зашиваю аккуратно, ставлю дренаж и заклеиваю хирургическим пластырем.

– Наложу ещё марлевую повязку, – бормочу, завершая операцию. – Рану осматривать и дезинфицировать будем ежедневно.

Она кивает и шепчет:

– Мне нужно убрать осколки в ванной… И простыни сменить… Я всё вам испачкала.

– Не нужно ничего. Горничные всё сделают. Сейчас их вызову.

– Как это? – удивляется она.

Убираю в аптечку инструменты и отвечаю на её вопрос:

– В этом доме есть круглосуточная служба, которая предоставляет уборку квартир в любое время суток.

– Оу. Как удобно, – бормочет она.

– Сейчас перенесу тебя в гостевую спальню. Как только тут уберут, если ещё спать не будешь, перенесу обратно. Хорошо?

– Хорошо.

Обнимаю её и беру на руки.

Мне хочется сейчас одного – трогать её, исследовать мягкое стройное тело и сделать то, что представил в тот самый момент, как её очаровательная попка и киска оказались перед моим лицом.

Я чёртов развратный ублюдок.

?

– РЖАВЫЙ –

«Почему меня избили? Зачем? За что? И когда всё это кончится?» – думал я, глядя на маячившиеся перед моими глазами тени. Сознание мутилось, и память давала сбои. В какой-то миг я потерял счёт времени и забыл, что случилось, за что меня избили…

Кто-то склонился надо мной.

– Мы сохранили тебе жизнь, Ржавый. Цени это.

И я вспоминаю.

Это Данте. Шестёрка Шведа. Урод!

– За нашу щедрость, ты становишься нашим должником. Должником Шведа, – шипит в моё разбитое лицо проклятый ублюдок Данте. Он хлопнул меня щеке и отошёл.

С моих окровавленных и распухших губ срывается скулёж. Я участвовал в драках, бывало, что меня избивали и ломали кости, но никогда в жизни я не испытывал подобной дикой боли.

Боль в избитом теле становится всё мучительнее. Сознание то меркнет, то вновь возвращается, в глазах прыгают красные круги.

А всё из-за сучки Янки. Тварь, тварь, тварь!

Потом меня подхватывают руки мудаков, что избили меня до полусмерти и волокут точно мешок дерьма к тачке.

Забрасывают в багажник, и я снова стону от вспышек боли. Сломанные рёбра, отбитые органы, порванные мышцы и сухожилия, словно сирены воют от причинённых им страданий.

Меня куда-то везут. Сколько проходит времени – не знаю. В какой-то миг отключаюсь и пробуждаюсь, когда тачка резко тормозит и моё тело ударяется о твёрдую стену машины.

Снова вспышка боли и с губ срывается хриплый крик, но обрывается из-за кровавой пены.

Багажник открывается, и меня вытаскивают наружу, бросают себе под ноги, и я сжимаюсь, плотно как могу, закрываю опухшие глаза, но меня никто не пинает, не крошит мои несчастные рёбра.

И снова ненавистный голос говорит:

– Повторяю, Ржавый – цени нашу щедрость. Попытаешься хоть что-то сделать девчонке: сам или через третьих лиц… Лично выпотрошу и скормлю псам.

В мою сломанную руку и отшибленную ладонь вкладывают телефон.

– Вызовешь себе помощь.

Смешок и здоровый мудак басит:

– Позвонишь ментам – менты тебе добавят увечий.

– Не позвонит, – хмыкает Данте. – Ржавый замаран по уши. Его примут как родного за нехорошие делишки, верно говорю?

Мне хочется орать, хочется вцепиться зубами в глотки этих мразей и выдрать им горло, хочется видеть, как из их глаз будет уходить жизнь.

Никогда я не испытывал столь жгучей ненависти. Ненавижу.

НЕНАВИЖУ!

Данте, эти два мудилы – Стас и Егор. Швед. И конечно, Янка.

Я запомнил.

Я отомщу.

Должник, значит?

Роман Ржавый долги всегда возвращает.

Когда на пустыре я остаюсь один, и рассвет окрашивает небо кровью, не с первого раза, может, с десятого или сотого набираю номер нужного мне человека.

Гудки идут слишком долго, и я готов разрыдаться, но вдруг, слышу в трубке сонный голос.

– Ржавый, какого х…я звонишь не в урочное время?

– Арман… – хриплю в трубку. – Помоги…

– Рома? Ты где? – меняется голос моего покупателя.

– Не знаю… Отследи звонок… – выдавливаю с трудом и добавляю: – И я нашёл твою покупку. Янка… Она у Шведа…

– Ни х…я себе! – бешено рычит Арман. – Ты подставить меня решил, уёбок?!

– Нет… Я не… не знал… Помоги… Расскажу всё…

– Помогу, Ржавый. Посмотрю геолокацию и отправлю за тобой парней. Но ты не только мне всё расскажешь, в какое дерьмо влез и меня потащил, ты ещё бабки мне вернёшь, что я дал тебе за девку. Если она у Шведа, то уже ни х…я ни целка!

– Просто… помоги…

Глава 7

?

– ЯНА –

Оставшись одна, забираюсь под тёплое одеяло и гляжу в одну точку, не в состоянии больше двинуться с места.

Я стараюсь заставить свои лёгкие вдохнуть хоть немного воздуха, но мою грудь стянуло, словно стальным обручем, и я не могу дышать.

Мои глаза наполняются слезами, они стекают по моему лицу. Беззвучно плачу и чувствую себя конченной дурой.

Швед, наверное, думает про меня, что я – шлюха. Разыграла перед ним сцену. Ведь всё выглядит именно так.

Но я, правда, не специально. Глупая, случайная ошибка.

И если честно, то я заплатила за эту ошибку. Кровью. Сама виновата, что не удержала чёртову банку. И какого хера я вообще полезла за ней? Сто лет не пользовалась кремами и ещё столько же обошлась бы без них.

Касаюсь руками горячего пылающего от стыда лица. Мне было очень стыдно стоять, выпятив зад прямо перед лицом Шведа, пока он обрабатывал и зашивал мою рану.

Мне бы посмеяться над этой неловкой ситуацией, но не выходит. Да и Швед вряд ли посмеётся. Теперь точно выставит… Хотя нет… Он же сказал, что будет обрабатывать мою рану ежедневно.

Чёрт. Мне так стыдно.

Закрываю лицо руками и глухо стону, мысленно матеря себя, на чём свет стоит.

За мыслями о щекотливой ситуации, отвлекаюсь от боли в руках и под ягодицей. Ладони болят слабо, можно сказать, даже не болят.

А вот зашитая рана дёргается и реально сильно болит. Но я терплю и даже умудряюсь заснуть.

На периферии сознания слышу, что кто-то заходит в комнату, что-то спрашивает, и я мычу в ответ нечто невразумительное.

Чувствую прикосновение к щеке и… И всё.

?

Утром я просыпаюсь, словно меня толкнул кто-то. Резко подскакиваю, дезориентированная, в полном непонимании, где я, что произошло?

Увидев незнакомую обстановку, пугаюсь и дёргаюсь, чтобы вскочить, но запутанная в одеяло как в кокон, с грохотом сваливаюсь с кровати.

Боль тут же пронзает мою правую ногу и ягодицу.

– А-у-у-ув! – взвываю и застываю, позволяя боли утихнуть.

Тут же сознание возвращает меня в реальность, и я вспоминаю, что я в квартире Шведа – мужчины, которого я пыталась ограбить, и который накормил и приютил меня.

Выдохнула, и ощутила облегчение.

Я в безопасности. И впервые я спала на невозможно мягкой кровати. Спала без задних ног, даже сновидений не было, хотя пережила до этого немало. И боль меня не тревожила. Хорошая у него аура, значит.

Протёрла кулачками сонные глаза и, стараясь сильно не дёргать ногами, выпуталась из одеяла.

Чувствовала себя хорошо, если не обращать внимания на боль и чувство голода.

Осмотрев гостевую комнату, снова вздохнула и закуталась в одеяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihal-_tat-yana/shved

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити